

В. Т. Рязанов

ИСТОРИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ В СССР: УГАСАНИЕ ИЛЛЮЗИЙ И УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Размышления о кн.: Ожерельев О. И. Идеалы и преступления. Новейшая история России: диалектика событий и личностей. М.: Художественная литература, 2016. 352 с.

Настоящая статья посвящена истории перестройки в СССР. Обращению к данной теме послужила публикация книги О. И. Ожерельева. Автор этой книги, в прошлом выпускник экономического факультета ЛГУ, в 1982–1984 гг. был деканом факультета. В последующие годы он работал в аппарате ЦК КПСС, а в 1991 г. был помощником по экономике президента М. С. Горбачева до его отставки.

Интерес к книге определяется тем, что ее автор находился в эпицентре событий, которые происходили в годы перестройки. Поэтому его размышления о прошедшем периоде полезны для осмысления причин допущенных ошибок в процессе реформирования экономики страны. В статье анализируются взгляды О. И. Ожерельева, предлагается их оценка. Особое внимание уделяется важности извлечения надлежащих уроков, которые должны помочь успешному проведению современного этапа реформирования российской экономики.

Прошло 25 лет с тех пор, как произошло крушение СССР. Оно действительно стало крупнейшей геополитической катастрофой века, во всяком случае несомненно, что это так воспринималось раньше и сегодня оценивается большинством людей, бывших гражданами единого государства. Ведь не только разрушились налаженные экономические и политические связи, сформировавшиеся на общем пространстве, но и оборвались человеческие контакты и даже осложнились родственные связи между людьми, жившими раньше в одной стране. Конечно, есть выигравшие и довольные от произошедшего развала, и не секрет, кто они. Но, как всегда, пострадали простые люди, на плечи которых выпали главные тяжести и беды.

Вот почему тема распада СССР, некогда могущественной супердержавы, по-прежнему остается в центре внимания исследователей, политиков и рядовых граждан. Обратиться к этой теме нас побудила не только ее важность и значимость исторических уроков, но и факт, который связан с ролью питомцев экономического факультета ЛГУ (ныне СПбГУ), немалое количество которых оказалось в эпицентре бурных событий конца 1980-х — начала 1990-х годов. Достаточно назвать такие имена, как В. А. Медведев, В. Г. Захаров, О. И. Ожерельев — и это только наиболее известные политические деятели последнего периода советской эпохи. Указанный список будет еще более обширен, если его дополнить фамилиями политиков и экономистов, также оказавшихся причастными к разработке и принятию решений в перестроечное время, но которые были менее известны обществу. Такой оказалась миссия нашего университета и его экономического факультета — одного из центров подготовки кадров, из которого вышли многие известные экономисты и политические деятели нашей страны.

Им есть что сказать по поводу произошедших судьбоносных событий, а их оценки чрезвычайно важны для осмысления прошлого и извлечения надлежащих уроков. В данном контексте поделимся своими размышлениями в связи с недавней публикацией книги О. И. Ожерельева с интригующим названием «Идеалы и преступления. Новейшая история России: диалектика событий и личностей». Как же автор спустя 25 лет после перестроечного времени объясняет идеалы, определявшие намерения и дела власть предержащих, и что собой пред-

ставляют произошедшие и происходящие события и что в них «преступного»? Бескомпромиссная и жесткая позиция, изначально обозначенная в названии книги, не может не привлечь внимания. Постараемся разобраться в авторской позиции.

Предварительно все же кратко напомним основные жизненные вехи в биографии О. И. Ожерельева, тем более что они достаточно примечательны. Ведь биография конкретного человека, в данном случае Олега Ивановича, тесно связана с событиями, происходящими в обществе, в котором мы жили и которое все еще памятно старшему поколению страны. И вот что в его биографии особенно привлекает внимание. Он родился в самый канун начала Великой Отечественной войны, будучи по своему происхождению из простой колхозной семьи. Как одно, так и другое обстоятельство говорят уже о многом. Нетрудно представить, какие тяготы и лишения выпали на него с самого юного возраста. Достаточно рано он лишился отцовской поддержки. Его отец, как и миллионы наших соотечественников, прошел войну, но вскоре после ее окончания его не стало. Значит, и так трудная послевоенная жизнь в колхозе обернулась дополнительными невзгодами. О данном периоде в книге сказано немного и без больших подробностей. Но об этом времени, пожалуй, выразительнее говорит название этой небольшой главы — «Сахарная» жизнь!

И надо было обладать сильным характером и большими способностями, чтобы, пройдя через серьезные испытания, преодолевая сложные жизненные обстоятельства, не останавливаясь, двигаться вперед и добиться таких успехов, о которых можно только мечтать. Конечно, личные качества и закаленный характер определили достижения в его профессиональной карьере. Но нельзя не учесть, что и само советское общество создавало благоприятные условия для активной жизнедеятельности настойчивых и способных людей, оно не закрывало для них «окно возможностей», а напротив, поддерживало их стремления. В этом смысле биография О. И. Ожерельева достаточно типична для ученого и политического деятеля советского общества.

Наверное, собственный жизненный опыт Олега Ивановича только подкрепил его тревогу по поводу одного из наблюдений, касающихся нашего современного общества, которому не достает эффективно работающих «социальных лифтов». Они же необходимы не только для того, чтобы молодые и способные люди из простых семей не оказывались в ситуации, когда все двери наверх перекрыты социальными и имущественными барьерами, но и для недопущения застоя и деградации самого общества.

Далее опишем факты биографии Олега Ивановича краткими штрихами. Это — срочная служба в армии, в Группе советских войск в Германии в 1960–1963 гг. В книге есть выразительный эпизод о том, как ситуация Карибского кризиса (1962 г.), когда две супердержавы оказались в опасной ситуации возникновения ядерной войны, драматично развивалась в советских войсках в ГДР, в семьях офицеров. Затем, после завершения воинской службы, поступление на экономический факультет ЛГУ, его досрочное окончание с отличием по специальности «политическая экономия». Далее аспирантура, кандидатская диссертация и защита докторской диссертации в 1979 г. Наконец, последняя университетская страница в биографии — избрание деканом экономического факультета (на этой должности он работал в течение трех лет — с 1982 по 1984 г., до его приглашения на работу в ЦК КПСС в отдел науки и учебных заведений).

Для факультета этот период стал, можно сказать, периодом своей «перестройки», поскольку новый декан за короткий срок смог сделать немало для факультета. Активизация научной деятельности, проведение серьезных научных конференций, открытие своей серии журнала, требовательное внимание к повышению квалификации сотрудников и т. д. Все это не могло не повлиять должным образом на научную и учебную жизнь факультета, создав самые благоприятные условия для научного поиска. Требовательность и особое внимание к реальным делам в интересах развития факультета — это лучшие характеристики руководителя и пример для подражания.

Завершающая страница наиболее активного периода деятельности Олега Ивановича сошла с перестроечным временем. Работа в ЦК КПСС, а затем помощником по экономике пре-

зидента М. С. Горбачева позволила ему собрать значительный материал для рассказа об этом периоде. На что следует обратить внимание, читая страницы книги?

Сразу же надо отметить, что каких-либо особых тайн в тексте не обнаруживается. Это неудивительно. Данный период со всеми подробностями уже описан многими его активными участниками и в научно-публицистической литературе довольно основательно проанализирован. Тем не менее оценки О. И. Ожерельева как непосредственного участника и свидетеля тех событий не могут не вызывать интереса. Они полезны не столько изложением конкретных фактов, о которых достаточно хорошо известно, а стремлением дать им аналитическую оценку, раскрыв природу намерений и причины неудач в их осуществлении. Все это имеет большое значение для понимания современных процессов и перспектив развития российского общества.

По вполне понятным причинам прежде всего важно разобраться с истоками тех противоречий и ограничений, с которыми столкнулось советское общество и которые в конечном счете привели к его крушению и распаду страны. Позиция О. И. Ожерельева на этот счет четкая и определенная. Таковыми стали, по его мнению, неизменность созданной и взлелеянной в сталинистский период авторитарной политико-правовой системы с характерной для нее однопартийностью, с пренебрежением к закону и праву. Причем, как подчеркивается, основы такой системы были заложены в первые годы советской власти большевистской верхушкой и сохранились в дальнейшем (с. 23). Не менее существенны были последствия ее господства и для экономики, поскольку порождали такие же по своей природе авторитарные методы управления, которые исключали потенциал саморазвития.

Конечно, причины зарождения авторитаризма можно попытаться объяснить историческими традициями, обратить внимание на внешние угрозы, сослаться на успешный опыт авторитарных модернизаций в других странах, но этим не отменяется вызревание потребности в отходе от таких методов. Бюрократизация и формализм как более поздние проявления авторитаризма изнутри разрушали общественно-хозяйственную систему социализма. И это действительно так.

В развитие своего подхода к определению природы общественно-хозяйственного устройства СССР О. И. Ожерельев выдвигает пять постулатов, объясняющих допущенные ошибки в самом социалистическом проекте. Что касается недооценки роли товарно-денежных отношений, ошибочных трактовок в определении производительного труда, в использовании принципа распределения по труду, а также в тотальном размахе обобществления средств производства и преувеличенной роли государства, то с такими характеристиками трудно спорить. Однако вопросы возникают по поводу того, что автор обозначает в качестве «исходной ошибки». В данном случае речь идет о теории прибавочной стоимости Маркса, которая опровергается им на том основании, что труд есть единство живого и овеществленного труда, а последний зависит от технической вооруженности, которая есть заслуга капиталиста. Так ли это? Отсюда делается вывод о том, что сама необходимость социалистического переворота является «сознательной ошибкой». Получается так, что все участники производства (рабочие и капиталисты) получают то, что они заслужили (с. 215–216). Довольно странное заключение. Ведь овеществленный труд — это результат такого же живого труда наемных работников в прошлом. Тем более что уже давно капитал-собственность и капитал-функция разделились, а собственник получает свою прибыль (дивиденды), чаще всего не имея никакого отношения к реальному процессу производства.

Сложнее разобраться с тем, каким образом можно и надо было уходить от отжившей системы. Ведь наиболее трудный вопрос — не в самой растущей и осознанной необходимости коренных перемен в организации общества и хозяйства, а в методах их осуществления, выработке алгоритма действий, кадровом обеспечении, поиске опоры на общественную поддержку и т. п. Как раз это и есть наиболее сложные задачи, и, к сожалению, именно здесь обнаруживаются причины неудач и провалов.

О. И. Ожерельев совершенно справедливо обращает внимание на поразительную недооценку значения начала экономического реформирования в стране с аграрной сферы (с. 29–

30). А ведь М. С. Горбачев в руководстве партии отвечал именно за сельское хозяйство и до перехода в ЦК руководил регионом с преимущественно развитым аграрным производством. Наконец, к тому времени был хорошо известен успешный стартовый запуск реформы на селе в Китае, уместно было бы вспомнить о собственном историческом опыте реформирования в годы нэпа.

Из текста книги, правда, не совсем понятно, обсуждались ли эти вопросы в руководстве страны или это уже поздние авторские рассуждения. Последствия недооценки опережающего реформирования аграрного сектора самым непосредственным образом сказались и на судьбе перестроечных процессов. Ведь «непосредственным детонатором развала СССР стал продовольственный коллапс, который разразился в 1988–1989 гг.» (с. 29). Также нельзя не согласиться с важностью и другой своевременно не разрешенной проблемы, которая по мере нарастания дефицита на потребительском рынке напрямую влияла на экономическую ситуацию в стране. Речь идет о задержке в проведении реформы ценообразования. Возможно, если бы ее как поэтапный процесс развертывания рыночного механизма удалось запустить в более ранний период, то не было бы такой остроты дефицита, которая сыграла свою роковую роль в радикализации общественных настроений и в продвижении политиков-шоко-те-рапевтов.

Попутно отметим, что нередко в нынешних объяснениях реформаторов, выбравших курс на «шоковую терапию», и их сторонников признаются многочисленные негативные издержки, но утверждается вынужденная необходимость такого сценария, якобы из-за опасности «надвигающегося голода». Такое объяснение не подтверждается реальными фактами. В первую очередь следует подчеркнуть, что ситуация появления «пустых полок», которая особенно обострилась в 1991 г., фактически была спровоцирована политической борьбой республик и регионов с центром, а также допущенными ошибками в экономической политике. К тому же, объявив осенью 1991 г. о предстоящей либерализации цен, российское руководство тем самым подстегнуло опустошение потребительского рынка. С одной стороны, нарастала потребительская паника, с другой — производители и торговцы просто не продавали имеющиеся товары, ожидая отпуска цен. Фактически декларируемая политика либерализации цен еще до ее реализации сыграла негативную роль в разорении магазинов. Отсюда понятен и возникший экономический парадокс: при пустых полках в магазинах падение розничного товарооборота (в сопоставимых ценах) в анализируемом году составило чуть более 5 %, что не соответствует драматизации этой ситуации в обосновании принятия радикальных экономических мер. И стоило только 2 января 1992 г. отпустить цены, как все ранее исчезнувшие товары мгновенно вернулись на полки магазинов. Собственно таким же мог быть эффект и при контролируемом повышении цен с их последующей фиксацией, но при этом не произошло бы их мгновенного взлета и последующего непрерывного роста.

Такое же положение было и с «приближающимся голодом». На самом деле сельскохозяйственное производство в 1991 г. сократилось не столь драматично, чтобы можно было судить о надвигающемся голоде. Так, зерновых в 1991 г. было собрано 84 млн т в сравнении с 104 млн т в среднем за год за период 1986–1990 гг. Характерно, что физические объемы производства основных видов пищевой промышленности упали не более чем на 10 %. В качестве подтверждения сделанного вывода приведем данные производства основных видов в российской пищевой промышленности в 1991 г. в сопоставлении с 1985, 1990 и 1992 гг. (см. таблицу).

Масштабное обрушение экономики России по-настоящему начинается с 1992 г., как следствие именно шоковой либерализации цен, сопровождаемое закономерным обвалом спроса и общей дезорганизацией народного хозяйства. Приведем несколько примеров. Если в 1990 г. килограмм мяса в среднем стоил 1,9 руб., то в 1992 г. его цена выросла до 95,8 руб., цена колбасных изделий повысилась с 2,96 до 149,56 руб., цена хлебобулочных изделий увеличилась с 0,35 коп. до 10,25 руб. и т. д. Вполне понятно, что стремительно выросшие цены на потребительские товары (в 26 раз в декабре 1992 г. к декабрю 1991 г.) не могли не привести к обвалу спроса и нарастающему падению производства.

**Производство основных видов пищевой промышленности РФ (РСФСР)
в 1985, 1990–1992 гг.**

Продукция \ Годы	1985	1990	1991	1992
Мясо (млн т)	5,3	6,6	5,8	4,8
Колбасные изделия (млн т)	1,9	2,3	2,1	1,5
Молочная продукция (млн т)	17,9	20,8	18,6	9,8

Источники: Российская Федерация в 1992 г.: стат. ежегодник. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1993. С. 185.

Вместе с тем нагнетание страха о приближении голода стало своего рода формой проведения «психической атаки» на общество. Достаточно задать такой вопрос: можно ли было реально рассчитывать на победу курса на радикализацию рыночных реформ со всеми ожидаемыми и неизбежными издержками, если бы ему не предшествовало внедрение в массовое сознание ложной дилеммы о необходимости выбора между «пустыми полками» и «шоковой терапией»? В этом случае надо иметь в виду, что угроза голода является наиболее сильным психическим воздействием на массы. Стоит напомнить, что своевременно не подвезенный из-за зимних метелей хлеб в феврале 1917 г. в Петроград и другие крупные города обернулся крушением монархии в стране.

Проблема с зарождением и нарастанием кризиса в советской экономике убедительно указывает на значимость создания благоприятной среды для проведения масштабных реформ в обществе. В связи с этим одним из ключевых является вопрос о соотношении и взаимосвязи политических и экономических реформ. Историческая практика нашей страны и других государств дает примеры, когда общий успех преобразовательной деятельности опирался на первоначальный импульс как в политической, так и в экономической сфере. По-видимому, многое зависит от первоочередности вызревания потребности к переменам в той или иной сфере и в готовности к их проведению. В случае с перестройкой в СССР, думается, опережающее развертывание реформирования в политико-идеологической сфере определялось не столько ее значимостью в сравнении с экономической сферой, сколько кажущейся простотой в реализации и имиджевой привлекательностью для прорабов перестройки (вначале они получили популярность, непривычную для власти в поздний период СССР).

Политические изменения помогали в осознании необходимости экономических реформ, но на определенном этапе стали тормозом их осуществления на деле. Нарастающая политическая борьба разогревала радикализацию настроений в обществе, что не могло не завершиться переходом власти в руки тех, кто не боялся ради своих политических амбиций обещать достижения в кратчайшие сроки «райской рыночной жизни», не отличаясь ответственностью и благоразумием. В связи с этим вполне справедлива оценка постсоветского руководства и его политики, предложенная в книге. Его неудача, пишет Олег Иванович, заключалась в том, что «российские правители были сфокусированы на исключительно политических интересах удержания власти, причем в собственных личных, семейных, клановых бизнес-интересах» (с. 105). Неoliberalная же модель, взятая на вооружение, помогла в «распиле» страны и разделе ее собственности, но была непригодна для решения задачи переустройства экономики.

Еще один из уроков, который полезно извлечь из перестроечного времени, — это роль личности (и личностей) в сложный преобразовательный период. Об этом хорошо известно из истории, но особый интерес при чтении книги возникает в связи с тем, что рассказ автора опирается на впечатления от непосредственного общения. В книге приводится много любопытных фактов и примеров, даны характеристики многих известных политических деятелей. Хотя О. И. Ожерельев в целом положительно оценивает М. С. Горбачева как инициатора перестройки, отмечает его привлекательные личные качества и положительные намерения в тот

период, но не может не признать утрату им доверия и авторитета по мере развертывания перестроечных процессов. Для этого были вполне понятные причины. «Горбачев всем дал волю, но собственной силы воли для своевременных экономико-правовых реформ не хватило», — такой вывод делает автор (с. 50).

Особенно непоследовательность в политике и неспособность довести до реального воплощения намеченные меры проявились в экономической сфере. О. И. Ожерельев эти недостатки во многом связывает с противодействием со стороны правительства Н. И. Рыжкова, которое было поражено консервативной инерцией. Однако при всей значимости обеспечения надлежащего взаимодействия разных ветвей власти в успехе, все же главная вина в провале перестройки лежит на ее инициаторе, хотя бы уже из-за допущенных серьезных ошибок в кадровом обеспечении проводимой политики. Вспомним о том, что была предпринята попытка его отлучения от власти (ГКЧП) выдвинутыми им же политиками.

Уже в 1989–1990 гг. стало понятно, что потенциал руководителя страны М. С. Горбачевым исчерпан, о чем свидетельствовали нарастающее падение его авторитета в обществе и в партии, усиление жесткости критики его политики с разных сторон — слева и справа. Как представляется, если бы такая смена своевременно произошла, а ее попытки предпринимались, например, на XXVIII съезде КПСС в июле 1990 г., то развитие событий могло пойти по другому сценарию.

На этот счет у Олега Ивановича есть такое предположение. Он считает, что если бы у Горбачева возобладал разум, то после путча власть в стране надо было немедленно передать Ельцину и это спасло бы страну от развала, учитывая напористость и жадности до власти российского лидера (с. 68). Скорее всего, такая передача власти представляется запоздавшей. Это следовало сделать значительно раньше. Пример политической борьбы Ельцина и Горбачева с ее драматическим исходом для страны подтверждает неспособность или, может быть, нежелание Михаила Сергеевича подключить к политической власти деятельных людей не из привычного партийно-бюрократического аппарата, а из иной среды, дав им возможность проявить себя в реальной деятельности, а не в критике власти. На это справедливо обращается внимание в книге. В свою очередь, слабость характера и другие личные качества, недостаток способностей и знаний не позволили Горбачеву сохранить авторитет и остаться политическим лидером.

Так, личностные характеристики главных действующих лиц перестроечного периода не позволили стране избежать мощных потрясений и распада, хотя такая возможность, как объясняет Олег Иванович, имелась, но не была реализована. С данной оценкой следует согласиться, пусть ее и не все разделяют. Она важна для понимания личной ответственности политических деятелей, особенно в переломные моменты в судьбе страны. Ей не противоречит, а, напротив, дополняет другой, еще более существенный вывод. В книге особо подчеркивается, что в «самой модели авторитарной власти уже заложена возможность фиаско: когда в ряду авторитаров появляется личность слабая либо неадекватная потребностям развития, страна подвергается колоссальной опасности краха» (с. 67). О такой опасности, заложенной в само устройство системы авторитарной власти, и сегодня не следует забывать.

Приведенные оценки и характеристики событий и людей (а в данной статье рассмотрена всего лишь их небольшая часть) полезны не только для более полного знания истории перестроечного периода нашей страны. Для автора они стали отправной точкой в анализе того, что у нас происходило уже в постперестроечное время и как ему видится современная ситуация в России. Эта часть работы не менее интересна и содержательна, а предлагаемые оценки, возможно, в чем-то и небесспорные, отличаются острой критичностью и принципиальной авторской позицией. Они достойны внимания, поскольку опираются на собственный жизненный опыт и сделаны человеком, не отстраненно рассуждающим о тех или иных проблемах, а настоящему озабоченным благополучием страны.

Выделим наиболее ключевые, на наш взгляд, идеи и оценки. Ранее уже отмечалась та негативная роль самого Ельцина и его окружения в развале СССР, которая достаточно подробно раскрывается в книге. О. И. Ожерельев критически оценивает ее и в дальнейшем изложении,

касаясь вопросов политики 1990-х годов. Во-первых, он подчеркивает, что главным детищем политики стало создание «феодално-бюрократического криминального капитализма» с его основным девизом «Приватизируй и властвуй»; во-вторых, отмечает ее разрушительные последствия для экономики, которые «сравнимы для России с разрушительными последствиями Первой мировой и Гражданской войн, вместе взятых» (с. 117).

Закономерным, хотя и не неизбежным результатом бюрократически-феодалного этапа развития нашей страны стало возникновение современного общественно-хозяйственного устройства. Как считает Ожерельев, в процессе всех трансформаций оно, в конечном счете, оказалось явно уязвимым, поскольку не располагало достаточным потенциалом для обеспечения устойчивого и динамичного развития. Прежде всего отметим, как автор характеризует природу современной социально-экономической системы России, в основе которой собственность и государство, собственность и власть. Он доказывает, что независимая от бюрократии частная собственность фактически исчезла, она в существующей властной системе уже и невозможна. Поэтому сам способ производства «можно характеризовать как особый бюрократо-олигархический капитализм на всех уровнях» (с. 127). Его следствием стало «катастрофическое социальное расслоение российского общества, ... неработающие социальные лифты, кастовость, отсутствие перспектив у подавляющей части российской молодежи и выталкивание ее лучших представителей в западные страны» (с. 129).

В характеристике сложившегося способа производства дополнительно отмечается его историческая уникальность, обусловленная комбинацией признаков и свойств, присутствующих в разных общественных системах. Для социализма характерно заимствование принципа подчинения всех ветвей власти и механизма формирования авторитарно-бюрократической власти. Отсюда монополия исполнительной власти в экономике и политической жизни общества. От капитализма унаследована подчиненность всей общественной жизни частнособственническому присвоению; от феодализма — наделение чиновников всех мастей многочисленными привилегиями, а также властью не только над гражданами, но и над любым бизнесом, и тем самым обеспечение возможности своего рода «кормления».

Последние качественные изменения в сущности государства и собственности в России завершились к началу второго десятилетия XXI в. Принципиально новая политико-экономическая система обрела устойчивость, стабильность, что и позволяет автору сделать вывод о завершении формирования базовых черт нового общественного устройства и наступлении бюрократо-феодалного капитализма, ставшего «золотым веком бюрократии» (с. 141).

Итоговые размышления О. И. Ожерельева подводят его к постановке судьбоносных вопросов, касающихся перспектив развития России и вообще будущего страны. Давая критическую оценку нынешней деятельности правительства, особенно в финансово-экономической сфере, автор не случайно приводит прогнозные ориентиры экономического роста страны до 2030 г. с ростом ВВП в среднем на 2,5% (согласно последнему базовому сценарию, с 2017 по 2037 г. рост ВВП понижен до 2% в год). На многое ли можно рассчитывать при таком «впечатляющем» динамизме? Ведь еще не так давно выдвигалась задача о ежегодном 7%-ном приросте экономических показателей и удвоении промышленного производства в течение 10 лет. То, что сейчас прогнозируется, обрекает страну на «стагнирующую стабильность, а государство — на постепенное низведение в третьеразрядную страну» (с. 143).

Или еще один из самых тревожных сигналов текущего бытия страны — сложившаяся система привилегий и индულгенций для господствующего класса, сопровождаемая повсеместной бюрократизацией и растущей коррупцией, которые распространились по всему управленческому пространству. И все это на фоне вопиющих разрывов в доходах и в жизненных возможностях между «верхами» и «низами». Осознаются ли высшей властью риски и опасность сложившейся ситуации для самой правящей элиты и для страны? В такой острой форме автором ставится вопрос о будущем развитии страны, и данная постановка вполне оправдана.

В связи с этим нельзя не согласиться и с другим важным выводом Олега Ивановича, когда он утверждает, что простая смена персон в сфере политики вряд ли кардинально изменит

ситуацию в стране. Для разрешения ограничений и противоречий в развитии требуется радикальный пересмотр самой парадигмы политико-экономического устройства и выход на качественно новую социально-экономическую систему.

Что она должна собой представлять?

В общем плане ответ предложен — это утверждение принципов свободы, справедливости и коллективного обеспечения взаимосвязанных интересов (с. 266). К этому еще можно прибавить необходимость выдвигения в качестве «конечного приоритета» человека, а не государства как «самодостаточной ценности» (с. 252). Вряд ли кто-то будет возражать против такой постановки перспективных целей и приоритетов в развитии страны. Они, бесспорно, привлекательны. То, что их реализация в будущем мыслится в контексте многовариантности развития и даже через взаимное обогащение социализма и капитализма, также приемлемо в своей постановочной форме. Правда, возникающие в разных частях некоторые пассажи не могут не вызывать вопросов. Так, утверждается, что современное западное общество дальше всех продвинулось в реализации человеческой мечты о всеобщем равенстве (с. 241). Усомниться в этом можно, не только читая «Капитал» Маркса, но и обратившись к современным исследователям, скажем, к книге Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» (М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.). То, что произошло в социальной сфере в последние десятилетия господства глобального финансового капитала, нельзя оценить иначе как возникновение чудовищного по своим масштабам социального неравенства.

Еще одна из наиболее сложных проблем, обсуждаемых в книге, требует, на наш взгляд, определенных корректив. Речь идет о роли государства. О. И. Ожерельев подвергает во многих частях своей книги суровой критике наблюдаемое разрастание роли государства в российской экономике и обществе. Бесспорно, он прав, когда указывает на происходящую подмену государства как института государством как вотчиной чиновников. Избежать такую подмену предлагается через активизацию борьбы с бюрократией и коррупцией, а для этого необходимо умерить аппетиты чиновников посредством сокращения государственного участия в экономике, развития конкуренции и усиления контроля со стороны общества. В свою очередь, развитие политической конкуренции и свободные выборы постулируются как необходимые и эффективные меры для оздоровления общества.

Трудно возразить по поводу желательности смены модели власти. Однако смущает в предложенных мерах их чрезмерная идеализация. Насколько эффективна конкуренция в экономике в эпоху доминирования монополий? Насколько в принципе можно обеспечить свободу выборов, когда в политическую практику уже давно внедрены механизмы манипулирования поведением людей, соответствующим образом работает система внушения через СМИ и т. д.? Выход видится не в отказе от поиска новой модели власти, а в его продолжении через выявление новых демократических механизмов и процедур, а они имеются и не обязательно связаны исключительно с системой представительной демократии. Прежде всего речь идет о возрождении принципов самоуправления как в сфере производства, так и на местном уровне. Не менее перспективным становится развертывание принципов прямой демократии через внедрение непосредственного правотворчества самого народа с использованием, к примеру, референдумов. Причем такая практика была в прошлом (например, общинный опыт самоуправления и прямой демократии в дореволюционной России). Накоплена она и на современном этапе (опыт Швейцарии с ее практикой проведения регулярных референдумов по всем важнейшим вопросам). Причем современные информационные технологии позволяют реально проводить такого рода референдумы и опросы населения в масштабах всей страны и без больших затрат. Кстати, в русле поиска таких инновационных мер в управленческой сфере Олег Иванович высказал полезную идею о целесообразности создания Центра общественно-научной экспертизы как независимого института для выработки политических и экономических рекомендаций (с. 263).

Завершим обзор книги О. И. Ожерельева следующим выводом. Книга получилась. Она читается с большим интересом, привлекает к себе внимания открытостью и четкостью пози-

ции автора, его честными и глубокими оценками событий прошлых лет и нынешнего периода. Она займет достойное место среди такого рода изданий. Особенно ценно в книге то, что она дает реальное представление о том, как история перетекает в современность. Темы, которые в ней исследуются, носят острый дискуссионный характер, они относятся как к историографии перестройки, так и к современной политико-экономической ситуации в стране.

Принять во внимание надо и то, что риски и угрозы новых острых кризисных событий для нашей страны не исчезли. Увы, они остаются на повестке дня. Книга О. И. Ожерельева в этом случае — одно из напоминаний о том, что их несвоевременное и запаздывающее осознание в обществе, в первую очередь правящим классом, может превратиться в очередное роковое событие. Нередко и не без оснований утверждается о том, что «история учит тому, что она ничему не учит». Чтобы этого не произошло, надо не забывать об уроках истории, тщательно и критически изучая прошлое, в котором содержатся и ответы на возникающие современные вопросы. В том числе и для этого написана книга О. И. Ожерельева. Может быть, теперь будет по-другому!

Для цитирования: Рязанов В. Т. История перестройки в СССР: угасание иллюзий и уроки для современной России // Вестник СПбГУ. Экономика. 2017. Т. 33. Вып. 2. С. 336–344.
DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.207

For citation: Ryazanov V. T. History of perestroika in the USSR: fading of illusions and lessons for modern Russia. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2017, vol. 33, issue 2, pp. 336–344.
DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.207

Статья поступила в редакцию 23 января 2016 г.

Статья рекомендована в печать 16 марта 2017 г.